

1. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2000.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
3. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: «Алетейя», 1999.
4. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. Контролинг. М., 1991.
5. Йегер В. Пайдсейя. Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997.

А. М. Бекарев
г. Нижний Новгород

НАУКА: ИСТОРИЯ ОДНОЙ УТРАТЫ

История 1: грехопадение. Что толку от золотой диадемы? Не защитит ни от холода, ни от Солнца. Мало проку от роскошной безделицы. Впрочем, и вреда немного. Однако есть эстетический вид, который способен компенсировать баснословные затраты. Чаще всего так и бывает: чем меньше утилитарной пользы приносит вещь, тем меньше она приносит вреда. Но в итоге получается зазеркальный вариант, поскольку наименее полезные явления ввиду их малой вредности оказываются наиболее полезными, в то время как наиболее полезные явления (с точки зрения здравого смысла), оказываются наиболее вредными, и, стало быть, наименее полезными. В этом же духе высказывался Платон, рассуждая о всеобщей корысти. Ибо нет людей, которые сознательно вредили бы самим себе. Следовательно, все люди корыстны. Всякая роскошь в силу ее крайне ограниченного применения, обладает самоценностью. Молот и наковальня *служат* дляковки металла. Роскошь ничему не *служит*, разве что возвышает человека в собственных глазах, да приносит в ряде случаев эстетическое наслаждение. Между тем именно статус и красота полагают *человеческое* в человеке. И именно они являются как минимально вредными, так и максимально полезными.

Были времена, когда философия и умозрительная наука (во главе с математикой) претендовали на то, чтобы занять скромный по своим размерам ряд роскошных вещей. И хотя эти времена вместе с притязаниями и устремлениями погребены под толстым слоем сомнительных ценностей техногенной западноевропейской цивилизации, о них *невердно* вспомнить.

В эллинский период, когда греки удивлялись безответным вопросам, наука и философия еще тешили свое самолюбивое достоин-

ство, не страдая от чрезмерного парциссизма. Человек не искал точек опоры, которые сулили пользу и выгоду. Он еще не успел потерять дар смелости. Складывал кубики, икосаэдры и додекаэдры, не желая видеть в них отблеск презренного металла и эпилепсию «оболов». Кажущаяся «беспольность» науки и философии радовала его как ребенка. Чем меньше было выгоды, тем беспечнее был сын Эллады. «Что пользы от мудрости?» — риторически спрашивал он. И чем меньше находил этой пользы, тем больше радовался. Ибо, оказывается, были вещи на свете, ради которых стоило жить. Это были «игрушки»: геометрия, философия, поэзия.... Хотя нет. Это больше чем «игрушки». Они не только не выполняли служебную роль и не только «как две капли» напоминали господ-рабовладельцев. Напротив, это господа-рабовладельцы служили им как высшему благу. Философия и математика заняли отнюдь не царский трон. Престол оказался выше. На самом пике Олимпа. Занятие, достойное богов, — вот чем стали философия и геометрия. Стали не сами по себе. По воле своих создателей.

Однако, поверив в свою непогрешимость и отдалившись от мирской суеты, наука стала отворачиваться от своего боготворца. Такое бывает в периоды отчуждения. «Человеческое, — сказала она, — слишком человеческое». Смутила ее человеческая дрянь. Мнимая, конечно, дрянь. Тыльная сторона человеческого бытия, которая повергла в уныние и ветхозаветного Бога. Быть бы «по образу и подобию Нашему», тогда — другое дело. А то ведь трясет его, словно в лихорадке. Понял, что «смертию умрет», и поверил в недостойность свою. Потому и жить стал «за счет» чужого. Паразитарным стал. Отвернувшись от человека смертного, философия и наука вступили в сговор с вечностью. Забыв про уникальность мгновения и великую силу слабости. Здесь, на недостижимой высоте, истоки девиантного поведения падчеловеческой теории. Проследим ее основные вехи.

Античное время. Зажатый в крестовине Востока и Запада, варварского Севера и нильского Юга, человек понял: «Спасаться надо! Не от потоков и пожаров. От себя, от “слабого”». В минуты паники истолковал что-то неверно. Потому стал искать спасение где-то на стороне, по ту сторону от себя. Не сразу, конечно. Сначала где-то в роскоши дворцов решили, что не стоит больше перерождаться и указали путь к спасению (до сих пор нет исторических и социологических данных о том, что кто-то этот путь прошел). В краю оливковых рощ решили иначе: «Только истина, обретенная мудрецами, может оказаться спасительным средством. С

истиной в руках человек возвратит свое утраченное достоинство и станет равным богам». Искать истину — благородное и даже героическое занятие. Отнюдь не преступление. Проступок в том, что, погнавшись за золотым руном, ее перестали искать (включая Аристотеля). Наука уверовала в беспомощность человека. «Беспомощность» стала абсолютной истиной. Вместо рецепта на спасение наука сказала: «Человек, крепи веру в слабость свою. Чем больше ты сомневаешься, тем сильнее веришь в авторитет моих апостолов». Тщетно искать истину. Надо крепить политическое единство на основе рабского труда. Государство есть опора политического животного. Человек без государства — полное ничтожество. В известном смысле, виноват сам античный мыслитель. Воздвиг на Олимп свой же продукт и уверовал в его непогрешимость. За что и поплатился. Не сотворите кумира себе. Однако скептицизм и новая религия сделали свое дело. Скепсис по отношению к западной философии и появление нового кумира в виде христианства привели к кризису теоретического сознания. На место разума пришла вера.

Средние века. Временная амнистия науки. Кто сказал: «Мрачное Средневековье»? Для науки оно — светлое. Потому что стала заниматься теми проблемами, в которых не нуждались ни тело человеческое, ни практика общественная. Вершина науки — римское право, жившее исключительно университетской жизнью. Что может быть бесполезнее? От занятий логикой тоже не ожидали полезных эффектов. Наука развивала такие способности, которые трудно было обменять на что-то потребности. Опоры для немощного существа творила религия. Она претендовала на роль спасительницы рода человеческого. Она укрепляла веру во *все-могущество* Бога и *все-немощность* человека. «Для бытия — непригоден», — вынесла вердикт религия, имея в виду тварное бытие.

Эпоха Возрождения. Говорят, что возродилась греческая мудрость. Возможно. Но вместе с ней возродилась и греческая глупость. Н. Маккиавелли с его «целью», которая оправдывает средства. Цель — опора. К ней надо стремиться. То, что есть, — не цель. Цель вне человека. Называется «смысл». Готовилась почва для изменений. Изменений данного Богом внешнего мира. Для этого нужно было обеспечить суверенитет мира, устранить вмешательство демиурга в дела природные.

Новое время. Великое грехопадение науки. Устранив вмешательство всевышнего в мирские и природные дела, наука развязала себе руки. Вернее, только та ее часть, которая отказалась от метафизики и схоластики и стала называться экспериментальным

естествознанием. Она исповедывала «путь муравья». Мир, оказывается, можно менять по усмотрению муравья. Так, чтобы ему было тепло, сухо, уютно. Мир можно подвергнуть пытке с пристрастием. Выкачать воздух и пустить пушишки с дробинками. Экспериментальное вмешательство науки в тайники природы завершилось практическим вмешательством. Менять все вокруг напрапоалу: от ландшафта до космических далей, а от них к реконструкции социума. Все дозволено. Нет предела возможностям науки. Ученые стали священниками. В итоге была создана прочная теплица вокруг человека: мир исполнял причудливый агональный тапек, но стены теплицы не вовлекали человека в опасный хоровод. А сам он продолжал незаметно хиреть и слабеть, но уже по причине технического комфорта.

Век XX. Подчинение науки интересам homo economicus — к такому исходу привела биография длиной в две с половиной тысячи лет. Несмотря на антропологическую революцию в философии, «прикладная» наука стала действительной идеологией буржуазного общества (Ю. Хабермас). Правда, мы полагаем, что в реальности нет «прикладной» науки, ибо нет высоких теорий, которые бы «прикладывались» к практике; есть *рецептурные науки*, основанные на немногочисленных фактах и магических формулах. Практическая значимость и экономический эффект («чистоган») ограничили горизонт исследований. Иерархия дисциплин стала строиться в зависимости от экономического вклада. К чему философы, если они не апологеты власти? Максимизация прибыли служит омегой деятельности партии ученых. Наука превратилась в огромного монстра, человек — в гнома. У гнома, так себя оценивают многие индивиды, одно на уме — как сделать жизнь еще комфортнее и утонуть в праздности. У творцов науки другой подход — как вообще преодолеть человеческое в человеке (речь идет о новом «гноме» с начинкой из электронных чипов). Благими намерениями устлана дорога к эшафоту. Посредством знания люди хотели стать сильнее (ведь «знание = сила»). Посредством знания они стали беспомощнее. Ибо это — не те знания, что даруют мужество. Это те «знания», что навевают сон. Ибо есть знания и «знания».

Начиная с XVII века наука отвергла призыв вопрошающего человека: «Познай самого себя». Она стала познавать *условия* жизни. И не только познавать, но и «создавать» эти условия, предлагая себя в качестве непосредственной производительной силы. Ее влекло бытие «вокруг», а не бытие «внутри». Она оказалась на стороне «системы», но не на стороне «жизненного мира». Просто

не увидела «человеческое» в человеке. Лишь подумала: «Блаженны пищие телом». И тотчас же ошиблась. Так и не поняла, что человек — вовсе не изобретатель желаний и не алчный потребитель вещей. Может, человек и алчен, но интенциональностью. Да и не тварь он дрожащая. Вовсе не слаб, тем более телом. Собственно *человеческое*, с чем ассоциируется душа и дух, — осталось за скобками. Быть может, она уступила дух и душу религии или искусству. Несмотря на все уговоры и устремления неокантианцев легализовать «науки о духе». Отвернувшись от аутентичного человека, она стала создавать образ существа, изрыгающего бесконечные потоки притязаний. Так возник образ потребителя, в котором не осталось ничего человеческого. Свела средневековый «смысл» к условиям тварного бытия. Когда тебя убеждают при помощи Ч. Дарвина и коацерватных капель, что жизнь однократна, то душа становится игрушкой в руках тела. Это понял Ф. Ницше. И вместо индальгенций потребовал от науки самоотречения (от всех и всяческих престолов).

Один грех, как известно, прорастает парой новых. Словно голова Змея Горыныча. Уход от человека породил гордыню. Гордыня обернулась одиночеством, одиночество — замкнутостью и агрессивностью. Гордячка, если и дружит, то «против»: против религии, философии, искусства, астрологии, эзотеризма и т. п. Впрочем, не выдержав одиночества и удвоившись, наука бросилась в другую крайность, став смиренной и весьма услужливой. Увлечлась созданием «опор» и «костылей» для человека, будто он и в самом деле инвалид с детства.

История 2: «идеология буржуазного общества». Но, по сути дела, речь идет о внутреннем конфликте, «саморазорванности» и кризисе. Одна часть науки (вместе с философией науки) продолжает упорствовать в построении абстрактных мировых схем, но страдает от непонимания, непочтительности и груза одиночества. Об этом с горечью писал М. Вебер: «Сегодня как раз у молодежи появилось скорее противоположное чувство, а именно, что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни, но никогда не достигающих этого. И, напротив, здесь, в жизни, в том, что для Платона было игрой теней на стенах пещеры, бьется пульс реальной действительности, все остальное лишь безжизненные, отвлеченные теши и ничего больше» [1, 138]. Другая часть науки, та, что услужлива и смиренна, помогает капиталу производить и сеять в массах «знания-однодневки», которые можно продать, если сде-

дать это вовремя. Но такие знания быстро устаревают и становятся информационным хламом.

Современная жизнь оплодотворена духом капитализма. В течение трех столетий поменялись только лидеры капитала. Сначала земельный, затем промышленный капитал. В постиндустриальном пространстве пальма первенства перешла к символической собственности и банковскому капиталу. Реальный сектор экономики склонил голову перед финансовыми структурами. Изменилась сама экономическая карта мира. Мало того, что она стала рисоваться в глобальных (и только) в глобальных измерениях. Она поменяла имя и стала зваться «финансомикой». «На пространстве планеты новая реальность. Господствующий, элитарный (в смысле власти и потребления) слой сложился, как сложилась и система глобального господства и управления. И достойное место в этой системе отведено мировому (всемирному) финансизму: финансовой власти, финансовой эксплуатации, финансовому доходу-образованию, финансовому управлению» [2, 11].

«Не все можно купить за деньги», — думали раньше. Сейчас усомнились. Жалкие остатки неотчуждаемых ценностей, и те готовы обменяться на звонкую монету. Правда, не всегда выгода сопряжена с денежным эквивалентом. То, что уникально и неповторимо, что в одном-единственном экземпляре, вряд ли подлежит обмену. Хотя оно может быть, безусловно, присвоено. Разве не присваивается прекрасное небо, доступное для всех? *Теоретически* и в умопостигаемом времени-пространстве трудно себе представить явление, которое не имеет «двойника», копию или аналог. В этом — необходимое условие обмена. На первый взгляд кажется, будто почти все подчинено правилу взаимного обмена. Общая теория относительности могла бы быть продана с молотка, найдись покупатель с могуществом демиурга и желанием преобразовать вселенную. Впрочем, она и так обменивается на длительное *время* ее постижения. И все же, несмотря на то, что бушель зерна можно обменять на фунт чая, часто это верно лишь в *теоретической проекции*, т. е. в мире абстрактных возможностей. В действительности, вряд ли кто-нибудь будет менять кучу хлама на кучу песка по причине их взаимного подобия. Рыночный обмен предполагает не только существование подобных и эквивалентных явлений. Он осуществляется под влиянием нужды, потребностей и спроса [3]. Та или иная вещь, созданная природой или сотворенная человеком, будет обмениваться на другую вещь тогда, когда посредником выступает человеческая потребность:

Вещь 1 → Потребности → Вещь 2

Если на уникальную потребность найдется хотя бы одна уникальная вещь, то исчезнет сама уникальность и состоится акт обмена. Речь идет не об обмене между людьми, как иногда принято думать, а об обмене между свернутыми способностями вещи и пастойчивой потребностью человека. При потреблении вещи ее (вещи) способности разворачиваются в последовательный ряд, а потребности, «осознавая» свою «мерность», сокращаются в пользу живых человеческих способностей:

Вещные способности → Потребности → Живые способности

В этой спекулятивной сделке нет ничего таинственного. В то же время кто-то может возразить и сказать, что здесь на самом деле нет действительного акта *обмена*, а есть самое тривиальное потребление. Если бы это было так, то на земле не нашлось бы места музеям и драгоценным реликвиям. Вещь отдает свои природные («физические», в смысле объективности) свойства в обмен на *культурную историю* или *биографию*. Утилитарный смысл смешается символическим, в основе которого лежат аттитюды, память и значимость (ценность) для человека.

Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство, которое приводит к аберрации понятий. В природе обмен веществ совершается без участия денег и этот факт никого не смущает. В обществе обмен, где роль посредников выполняют деньги или их суррогаты, тоже случается не на каждом шагу (обмен улыбками, взглядами, шутками, рукопожатием). Иначе говоря, территория обмена значительно шире площади товарно-денежных отношений. Однако XX век с его апологией рынка породил тот самый призрак «рынка», когда всякий обмен оценивается в его исключительно товарно-денежных тонах. Деньги стали претендовать на роль единственного и универсального технического средства обмена [4]. Впрочем, слово «средство» здесь не подходит. Предпочтительнее слово «повелитель обмена». Искусственно созданная вторая природа с техникой во главе обрела деспотический характер. «...Человеческая Техника, — писал А. Печчеи, — почти так же стара, как и сам человек, и была она вначале скорее средством, чем самоцелью. И вплоть до недавнего времени ему удавалось выдерживать разумное равновесие между тем материальным прогрессом, который она обеспечивала, и той социокультурной жизнью, которой она должна была служить. Теперь, когда техника в своей новой версии зиждет-

ся исключительно на науку и ее достижениях, она приобрела статус доминирующего и практически независимого элемента» [5, 38].

С другой стороны, знание оказалось под прессингом технологий и стало оцениваться с точки зрения его технологических компонентов. При наличии технологий применения знание становится нау-хау, то есть обыкновением товаром. «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою потребительскую стоимость» [6].

Вплоть до энергетического кризиса 70-х годов XX века и появления гибкого информационного социума количество производителей рецептурно оформленного знания было значительно меньше числа потребителей. Здесь предложение хронически отставало от спроса. Потребители конкурировали между собой, борясь за места в вузах и учебных центрах. Производители производили относительно «дорогой» продукт (в силу его дефицитности). В последние десятилетия ситуация радикально изменилась. На рынке знаний, которым придавался товарный вид рецептов и мнений-моделей, предложение стало значительно опережать спрос. Возникла и начала возрастать конкуренция между производителями. Серьезно увеличилась армия профессиональных ученых, правда, произошло явное смещение их спектра к серому цвету. Увеличение объемов знаний оказалось обратно пропорциональным «цене» за единицу продукции (проявилась так называемая экономия на масштабах).

Иными словами, несмотря на «сдвиг власти» (А. Тоффлер), знания в их массовой упаковке стали дешевле грибов. Креаторы попали в социальную страту, находящуюся куда ниже уровня «сильных воротничков». Впрочем, сдвиг власти действительно произошел, но в сторону тех университетских центров, которые отличаются крупным марочным капиталом. «Марочный капитал — это стоимость дополнительных денежных потоков, возникающих благодаря узнаваемости торговой марки компании» [3, 220]. Компании с сильными торговыми марками оцениваются биржей, как правило, вчетверо дороже стоимости их активов. Однако продукт, который предлагается в ведущих университетах и научных центрах, по своему содержанию и значению почти ничем не отличается от аналогичных продуктов провинциальных производителей знаний. Покупатели знаний ведут себя точно так же, как покупатели товаров повседневного спроса. Их логика строится вдоль шкалы

«цена — качество — сервис — торговая марка». Если по первым трем параметрам этой шкалы продавцы знаний едва ли отличаются друг от друга, то по параметру «торговая марка» они значительно отличаются. Здесь дело обстоит так же как в случае с компанией «Кока-Кола», у которой соотношение материальных и неосязаемых (имиджевых) активов равно 4: 96 [7, 8].

Что касается внутреннего дизайна современных знаний, предназначенных для продажи, то они стали напоминать правовые прецеденты из системы common law: чаще всего относятся к конкретной ситуации и представлены в «кейсовой» форме. Так или иначе, знаниевый продукт является аккумуляцией прошлого опыта и не имеет вектора в будущее. Господствующие университетские системы, обеспечивающие процесс продаж, скорее служат тому, что превращают знания в *отходы*.

Традиционное образование строится по конвейерному принципу (система германских университетов XIX столетия). Господствует предметоцентризм. Обучение затратно с точки зрения использования временных ресурсов. Ориентация на постулаты, аксиомы, догмы. Излюбленные формы: безликие лекции, семинары (основанные на методе повторения), практические занятия, домашняя подготовка. Главный итог — избыточное количество ненужной информации. Знания накапливаются и забываются, практических навыков нет.

Другая система «продажи» знаний — проектное обучение (американский вариант). Изучаются предметы в «сокращенном» справочно-телеграфном стиле. Основное внимание — case studies и деловым играм. Игровой компонент интенсифицирует процесс освоения информации и активизирует мышление. Полезный эффект находится в прямой зависимости от активных способов освоения информации:

$$\text{КПД} = \frac{\text{Информация} + \text{активные методы обучения.}}{\text{Единица времени}}$$

Хотя коэффициент полезного действия в проектном обучении выше, чем в условиях конвейера, модус прошлого продолжает доминировать. Полученные знания в лучшем случае подобны разовым шприцам, которые очень быстро превращаются в те же *отходы*.

Единственный эффективный метод производства и овладения (продажи) знаний связан с автопоэзисом. Этот метод направлен на совместный (учителя и ученики) поиск ответов на вызовы

реальности («майевтика»). Готовых ответов, разумеется, нет. Полученные результаты работают на будущее. С другой стороны, потребители знаний сами становятся производителями. Вернее, возникает один класс «производителей-потребителей». Наука как профессия прекращает свое существование. Но именно в этом качестве она производит ценный и востребованный продукт. Оставаясь же в застенках европейской или американской технологий и будучи профессиональной деятельностью, она порождает информационный коллапс — систему безработных знаний, которые, подобно черной дыре, втягивают в себя огромные экономические ресурсы.

Просто «история». В результате бифуркации наука разделилась на две взаимоисключающие части, одна из которых продолжает «витать в облаках» вдали от человека, другая, прагматическая часть, редуцировала человека к условиям его бытия. Обе части не обладают сколько-нибудь значимой ценностью. Ученых не интересует *сама человеческая жизнь как совокупность актов переживаний*. Их интересует либо сверхчеловеческое (в виде абсолютной истины), либо околическое (в виде конструирования условий жизни). Человек по-прежнему находится за скобками.

К. Маркс, будучи молодым, сказал, что есть только одна наука — история. Мысль кажется удивительной, поскольку каноны науки требуют наличия двух элементов — математики и генерализующих методов. Ни того, ни другого в истории нет. Но в истории есть нечто такое, что тождественно абсолютной человеческой ценности. Это сама *история*. Причем не только история человечества, но и история отдельного человека (биография). Люди уникальны не только в условиях пограничных ситуаций. Каждый обладает своей неповторимой биографией. Равным образом неповторима история Византии, Римской империи, СССР. Неповторимость не имеет «двойника», она не подлежит обмену и она однакратна.

Современная наука акцентирует внимание на результатах (светоносные или плодоносные опыты). Если бы ее адепты сосредоточились на «актах переживания», на уникальных и неповторимых мгновениях познания, они бы включили историю в науку. Ибо история и есть тот «ключ», который наполняет познание человеческими смыслами.

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.

2. Философия хозяйства: Альм. № 2 (8). 2000.

3. Дойль П. Менеджмент: стратегия и тактика. СПб.: Питер, 1999.

4. См. об этом: Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. №7. С. 37.
- Васильчук Ю. А. Социальные функции денег // Мировая экономика и международные отношения. 1995. №2. С. 5–22.
5. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1999.
7. Василенко А. Б. ПИАР крупных российских корпораций. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Р. Л. Лившиц
г. Комсомольск-на-Амуре

ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУКИ И АНГАЖИРОВАННОСТЬ УЧЕНОГО

Два раза в год у меня бывают периоды сомнений и тягостных раздумий. Они случаются во время очередной подписной кампании. Стоит ли сохранять подписку в том же объеме или сократить количество выписываемых журналов и книг? В пользу первого решения говорит естественный консерватизм привычки. Ну как отказаться от журнала «Вопросы философии», который я выписываю с 1968 года? Или от журнала «Общественные науки и современность»? Его я выписываю и читаю вот уже пятнадцать лет, почти с момента основания. Да, но ведь надо же соотносить привычки с возможностями их удовлетворения! Когда над Россией взошла заря демократии, от многих привычек и обычаев тоталитарных времен пришлось отказаться. Оказалось, например, что правило, предписывающее преподавателю вуза раз в пять лет проходить полугодовое повышение квалификации в ИПК, нельзя воспринимать как догму. От такой роскоши благоразумней всего отказаться. Аргумент «от кошелька» явно не в пользу того, чтобы сохранить подписку в прежнем объеме, и год от года, в связи с непрерывным ростом цен на журналы и газеты, этот аргумент становится все более весомым. Но дело не только в материальных тратах, вопрос заключается еще и в том, что чтение многих современных журналов — занятие не из самых приятных. Очевидна их идеологическая заданность, их вполне отчетливо выраженная партийность. В особенности это касается журнала «Общественные науки и современность». Чтобы не ходить далеко за примерами, возьму с полки последний из поступивших номеров — шестой номер за 2003 год. Читаю на обложке «Десятилетие российской Конституции». Понятно, нам будет рассказано о том, как конституция 1993 года помогла сохранить мир и стабильность в российском обществе.